

В.Л.Васильев, Н.Н.Вихрова

НОВГОРОДСКИЕ СТРАНИЦЫ «РУССКОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО НЕКРОПОЛЯ» 1914 г. (В СРАВНЕНИИ С СОВРЕМЕННЫМИ ДАННЫМИ О СТАРИННЫХ ПОГРЕБЕНИЯХ В НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Старинные надписи на надгробиях — важный, но редко используемый источник, который несет ценную информацию для изучения генеалогий, социального расслоения общества, для исследований в области народной культуры, языка, ономастики. Статья рассказывает об этапах и методах нашей совместной работы по поиску, фиксации, описанию, систематизации старинных надписей на надгробных памятниках в Новгородской области. В 2016—2017 гг. мы собирали надписи, датированные серединой XVIII — началом XX в. и посвященные людям, которые скончались в период существования Новгородской губернии (в основном до 1920 г.). В процессе нашей работы постоянно использовали книгу «Русский провинциальный некрополь» 1914 г. (РПН), из которой были выписаны сведения, относящиеся к Новгородской области. Данные РПН были сопоставлены с материалом собранных нами надписей. Выяснилось, что число совпадений между РПН и нашим полевым материалом не превышает 8%. Столь небольшой процент совпадений объясняется разными причинами, главная из которых — утрата значительного количества старинных надгробных надписей в советскую эпоху.

Ключевые слова: Новгородская область, губерния, надгробные надписи, некрополь, полевые исследования, верификация, сравнения

С конца 1908 г. и до июля 1912 г. во многих губерниях Европейской и Азиатской частей Российской империи осуществлялось соби́рание сведений о погребенных в разных епархиях людях и их погребениях, над которыми были надгробия с надписями, сообщающими, кто упокоился в данном месте. Инициатором и попечителем этой деятельности был великий князь Николай Михайлович, понимавший важность такой информации для истории и генеалогии, равно как осознававший, что надписанные погребальные памятники подвергаются угрозам утрат и уничтожения. На основе полученных сведений в 1914 г. вышел в свет обширный 1-й том «Русского провинциального некрополя», составленный В.В.Шереметевским [1] (далее — РПН), составлению следующих томов помешала первая мировая война. Шереметевский включал в РПН сведения обыкновенно об известных, общественно значимых личностях, ориентируясь на циркулярный указ Священного синода от 29 ноября 1908 г., предписывавший представить от всех епархий «списки лиц, погребенных в церквах и на кладбищах, с точным обозначением надгробных надписей, сохранившихся на могилах духовных лиц, дворян и наиболее крупных общественных деятелей купеческого и других сословий» [1, с. V]; кроме того, включались исторические сведения о людях, живших в средневековые времена (князьях, боярах и др.), а также о людях всех сословий, если их погребения украшали художественные эпитафии. Следует отметить, что РПН 1914 г. — до сих пор самый масштабный труд отечественной некрополистики, дающий широкое представление о многочисленных погребениях и погребальных текстах дореволюционного периода в русской провинции. Уже в наше время данный труд получил продолжение: в 2012 и 2015 гг., благодаря усилиям Д.Н. Шилова, были опубликованы 1-й и 2-й дополнительные тома «Материалов к «Русскому провинциальному некрополю» великого князя Николая Михайловича» [2]. В них вошли собранные в период 1908—1912 гг., но не изданные из-за начавшейся войны и смуты материалы: 1-й том составили сведения из шести губерний Поволжья (Астраханская, Вятская, Нижегородская, Самарская, Саратовская, Симбирская), 2-й — данные из губерний и областей Урала, Сибири и Дальнего Востока. Указанному автору принадлежит также источниковедческое исследование об РПН [3] и ряд статей соответствующей тематики.

Мы считаем, однако, что сегодня наиболее актуальным и востребованным делом является не столько издание существующих, собранных ранее архивных данных, дополняющих РПН 1914 г., сколько соби́рание новых полевых сведений о старинных погребениях с надписанными надгробиями. Приоритет должен отдаваться полевой экспедиционной, а не архивной, деятельности хотя бы потому, что погребальные памятники в большинстве своем плохо сохраняются, быстро исчезают, очень уязвимы к любым внешним воздействиям. Чем раньше удастся зарегистрировать эти забытые памятники старины, тем больше информации о них останется. В течение 2016—2017 гг., в рамках проекта «Новгородские страницы “Русского провинциального некрополя”: верификация и дополнения», поддержанного РГНФ (РФФИ), мы осуществляли полевой поиск, фиксацию, описание, систематизацию надписей на надгробных памятниках Новгородской области, поставленных над захоронениями лиц, скончавшихся в период существования Новгородской губернии (в основном до 1920 г.). Предварительно были выписаны из РПН 1914 г. все необходимые сведения о погребенных, чьи захоронения пришлись на территорию современной Новгородской области (1005 позиций). Затем новгородские данные, извлеченные из РПН, верифицировались и дополнялись современным полевым материалом старинных надгробных надписей, снятых с досоветских надгробий Новгородской области, оценивались сохранность и состояние этих надгробий и надписей. Всего было выявлено около сотни кладбищ (погостов), где есть надписанные погребальные памятники периода XVIII — начала XX в. Разумеется, это

далеко не все места погребений со старинными надписанными памятниками в Новгородской области, но все же заметная их часть. При подготовке маршрутов использовались сведения РПН о местах захоронений, а также брались за основу известные нам из разных источников локусы древних и старинных новгородских погостов, иногда сохраняющихся на территории крупных селений, иногда давно заброшенных и находящихся вне селений.

Нередко собиратели и краеведы, изучая места захоронений, пренебрегают точностью передачи текстов надгробных надписей, многим больше интересны не столько надписи, сколько люди, погребенные в том или ином месте. Вольное переложение текстов надгробных надписей характеризует и большинство позиций реестра РПН, несмотря на то, что его составитель В.В.Шереметевский призывал точно переписывать тексты с надгробий. Мы же в свою очередь больше стремились к точной передаче фактуры надписи, как и самого надписанного надгробия, и ради этого письменную передачу надписей обязательно дублировали фотофиксацией. Несмотря на то, что тексты надписей мы графически нормализовывали, т.е. записывали с помощью современных графических средств, мы старались фиксировать все их лексико-грамматические и структурно-композиционные особенности, включая орфографические ошибки, сокращения слов и пунктуацию. Точность фиксации очень важна, поскольку позволяет в дальнейшем использовать старинные надгробные надписи не только как генеалогический, но и как лингвистический источник.

Извлеченные из РПН 1914 г. новгородские данные задали направление нашим полевым поискам старинных новгородских погребений и обеспечили определенным сравнительным материалом. Впрочем, вскоре выяснилось, что РПН не может быть взят за основу предпринятого нами полевого обследования надгробных надписей, верификация материала РПН современными полевыми записями оказалась ограниченной, вопреки тому, что думалось вначале. Дело в том, что степень совпадений и сходств новгородских данных РПН с данными надписей, зарегистрированных нами в поездках по Новгородской области, оказалась очень мала — не более 8% (или около 50 совпадений на примерно 650 старинных и поздних надписей в округленных цифрах).

Причины столь малого числа пересечений разнообразны. Некоторые объясняются различием подходов к регистрации надписанных погребальных памятников. Сведения для составления РПН перестали поступать из епархий уже к июлю 1912 г., тогда как привлекаемые нами сведения доведены до 1920 г. Кроме того, к ряду мест захоронений, указанных в РПН, мы не смогли физически добраться и обследовать их (в первую очередь из-за скудости финансирования). В РПН вносилась информация как правило о знати, людях известных, общественно значимых хотя бы на местном уровне, с добавлением древнейших летописных свидетельств о средневековой аристократии. Мы же в своих экспедициях копировали надписи на погребальных памятниках всех социальных категорий, включая крестьян, городских обывателей, низших воинских чинов, военных поселян, ямщиков, дьячков, пономарей, младенцев и др., учитывали в равной степени лиц и мужского и женского пола (тогда как в РПН число упоминаний женщин весьма ограничено) и, разумеется, не включали в их состав летописные, исторические свидетельства, не имеющие по большому счету отношения к генеалогии. Различие подходов к фиксации данных еще и в том, что в РПН приведены сведения о лицах, погребенных как внутри православных храмов, так и на погостах, а мы учитывали только погребения вне стен ныне действующих храмов. Например, мы не стали привлекать некрополь внутри новгородского Софийского собора, хотя он дан в РПН. Изначально планировалось учитывать надписанные старинные надгробия только на погостах и кладбищах, ведь за такими памятниками обыкновенно нет должного присмотра, они плохо учтены и хуже сохраняются, нежели в усыпальницах внутри действующих храмов.

Станным образом в РПН оказались не учтены многие погосты (кладбища) с установленными там до 1912 г. надписанными надгробиями знатных и известных людей, которые, по идее, должны были бы упоминаться в некрополе. Так, из 96 обнаруженных нами в поездках по Новгородской области мест погребений, где есть старинные, надписанные до 1912 г. памятники, в РПН отражены только 20 из этих мест. Но и на этих учтенных погостах (кладбищах) практически везде РПН отмечает лишь часть, иногда крайне малую, надписанных надгробий. Это относится и к небольшим сельским погостам, и к большим городским кладбищам. Например, на обширном историческом Симоновском кладбище в Старой Руссе мы зафиксировали 60 надгробий с надписями XIX — начала XX вв., а в РПН числятся только два надгробия оттуда — генералам Н.И.Мевесу и Н.В.Степовому. На большом городском Петропавловском кладбище г. Валдай мы нашли десятки старинных надгробий, а в РПН указаны только два, да и те принадлежат людям, которых нет в нашем материале. Совсем нет в РПН информации о захоронениях в бывшем уездном г. Крестцы, а там, в центре и на окраине пос. Крестцы, до сих пор существуют два кладбища, где нами были найдены старинные надписи над захоронениями крестецких купцов XIX в. На территории упраздненного Новгородского Антониева монастыря сохраняются немало старинных надгробий, а в РПН из них отражены лишь единицы. И т.д. Надо полагать, такая лакуарность во многом отражает нерадение отдельных местных церковнослужителей и священников, которых дополнительно обязали присылать В.В.Шереметевскому сведения о погребенных, непонимание ими того, кого из погребенных вносить или не вносить в списки, учитывать или не учитывать жен, вдов и детей. Вот что пишет Шереметевский в своем Предисловии к РПН: «Не все присланные материалы отличались полнотой и точностью содержания; не все настоятели монастырей и церквей оказались на высоте своей задачи; некоторые вовсе уклонились от присылки сведений; в иных было заметно желание лишь как-нибудь “отписаться” и отделаться от призывшегося извне искушения» [1, с. VI-VII].

Наконец имеется еще одна причина, пожалуй, самая главная, значительного антропонимического несоответствия данных РПН и фактов, собранных нами. В советский период, как известно, русская церковь переживала неблагоприятные времена, были периоды лихолетья, гонений, упразднения и разрушения храмов, репрессии, применяемые к духовенству (особенно в 1937—1938 гг., в конце 1950-х — начале 1960-х гг.). В городах и селениях Новгородской области здания церквей часто использовались под складские помещения, зернохранилища, интернаты, больницы, дома культуры, другие административные строения. Кладбища-погосты за алтарями бывших церквей в таких случаях ликвидировались, надгробия разбивались на строительный материал, растаскивались местными жителями для своих нужд. Почти со стопроцентной уверенностью можно утверждать, что если старое церковное здание ранее какое-то время использовалось для гражданских нужд, то при нем не будет никаких погребальных памятников. В городах многие церкви просто были снесены и, соответственно, были стерты погосты при этих церквях. Например, РПН фиксирует захоронение около десятка человек из купеческого рода Захаровых при Никольской кладбищенской церкви в г. Холм. Но в нашем полевом материале этих лиц нет, поскольку Никольская кладбищенская церковь (иное ее название — церковь Вознесения), при которой они были похоронены, была упразднена в 1930-е гг., окончательно разрушена в 1942 г., в послевоенные годы кладбище было закрыто, а в 1970-е годы территория кладбища была застроена новыми домами (сегодня здесь пересечение улиц Кооперативной и Урицкого). В Холме была еще одна Никольская (Николаевская) церковь, она тоже исчезла, и сегодня на месте бывшего алтаря стоит водонапорная башня. Зато на двух действующих сегодня кладбищах г. Холма — Тихвинском и Георгиевском — мы все же отыскивали надписанные захоронения рода купцов Захаровых, родственников тех, кто был погребен близ исчезнувшей Холмской Никольской церкви. Возле церкви в д. Глиненец Валдайского уезда, по данным РПН, было 17 захоронений знатных людей. Но в 1930-е гг. деревянное здание Глиненецкой церкви Параскевы-Пятницы было отдано под зернохранилище, в 1985 г. сгорело, и наш осмотр церквища и прилегающей территории бывшего погоста не выявил следов ни единого захоронения.

Рис. 1. На сем месте покоится прах/ Новгородского помещика/ Гвардии прапорщика/ Стефана Ивановича/ Гулидова/ Скончавшегося/ 1825 года июня 9 дня/ 82 лет от рождения [надпись в д. Буреге Старорусского р-на, захоронение при заброшенной церкви Воскресения Христова на левом берегу Псижи (бывший Буряжский погост) N 58°08.895' E 031°03.654']

Массово пропали старинные захоронения при церквях в г. Великом Новгороде и его окрестностях, в том числе на территории многочисленных монастырей приновгородской округи. В частности, мы не нашли ни одной интересующей нас досоветской надгробной надписи во всем микрорегионе Ильменского Поозерья к юго-западу от Новгорода, где стоят очень древние селения и которое традиционно считается островком новгородской культурно-языковой архаики. Многими разбитыми надгробиями, на которых заметны надписи досоветского времени, выстланы дорожки исторического кладбища на окраине Новгорода на Синичьей Горе, но прочесть эти фрагменты текстов уже невозможно. Примеры такого рода можно продолжать и продолжать. Больше повезло погребальным памятникам, поставленным на старинных, но поныне используемых сельских и

городских кладбищах при еще действующих или уже утраченных церквях (от утраченных остаются полуразрушенные строения или следы фундаментов). На таких кладбищах, иногда обнесенных оградой из дикого камня, порой сохраняются одно или несколько, обычно менее десятка, старинных надписанных надгробий, выделяющихся художественным своеобразием среди обычных могил. Наиболее видные, художественно изготовленные надписанные памятники из качественного камня пребывают в относительно приличном состоянии, оберегаются служителями церкви или местными жителями, порой даже используются при повторных захоронениях родственников или посторонних людей, при этом на памятниках появляются новые поздние надписи или фотографии, а прежней, интересующей нас надписи уже нет. Иногда можно обнаружить даже целые «семейные погосты» в прошлом богатых местных фамилий, обычно купцов, — обнесенные общей оградой несколько надписанных старинных надгробий, принадлежащих разным поколениям родственников: например, «семейный погост» рода Кузнецовых на Рождественском кладбище в Новгороде (бережно хранимый современными потомками), «погост» Ванюковых на кладбище в г. Сольцы, «погост» Мосягиных на центральном кладбище пос. Крестцы и др. Всех этих фамилий, однако, нет в РПН. Выделяется обилием старинных надгробий с надписями (всего их более 60) Симоновское кладбище в Старой Руссе, — это безусловно самый насыщенный стариной некрополь Новгородской области, по крайней мере из числа обследованных нами.

Даже среди тех 8% собранных нами надгробных надписей, которые антропонимически подтверждены позициями РПН, встречаются мелкие расхождения с РПН в том, что касается написания фамилий, топонимов и др. Ср. ошибочное написание (переставлены буквы) фамилии генерала в надписи на могильной плите при Марево-Успенской церкви с. Марёво: *1876 г./ Ию/нь/ Пог/ре/бено/ Те/ло капитан/ Лейтенан/та/ Викто/ра/ Аазр/ева*, тогда как в РПН находим: «Азарьевъ Викторъ, капитанъ-лейтенантъ, † 1876 (при Марево-Успенской церкви Демянск. у.)»¹. Но чаще наоборот: собранные нами надписи на надгробиях содержат более точную и более полную информацию. Так, в РПН значится: «Коптевъ Ниль Григорьевичъ, генераль-лейтенантъ, р. 26 мая 1816 † 21 апрѣля 1893 (С. Велилы Демянск. у.)», а полевое обследование показало следующий текст на памятнике: *Генерал-лейтенант/ Нил Петрович Коптев/ Род. 26 мая 1816 года/ Сконч. 21 апреля 1893*. В книге «Список генералам армии, состоящим в запасе армии по старшинству» (СПб., 1885) тоже значится Нил Петрович Коптев, что подтверждает адекватность найденной нами надписи. На памятнике захоронения Вилаговой Ольги Дмитриевны на кладбище при Троицкой церкви д. Захарьино Новгородского р-на есть следующая надпись: *Ольга Дмитриевна /Вилагова/ род. 3 октября 1861 г. / сконч. на Юге Франции в г. По / 16 февраля 1888 г.* Согласно РПН: «Вилагова Ольга Дмитриевна, рожд. Томановская, жена дѣйств. статскаго совѣтника, р. 3 октября 1861 † 16 февраля 1888 (С. Захарьино Новгород, у.)». На городском кладбище в районном центре Сольцы сохранились погребальные памятники почетным гражданам погоста Сольцы Ардамацкому Федору Михайловичу и Ардамацкой Александре Николаевне, фамилии которых в РПН даны с ошибкой: *Ардамацкий, Ардамацкая*. Название пункта Перетно, где мы нашли несколько надписанных старинных погребений, в РПН передано неправильно: *Перстно*. Наш полевой материал позволил устранить и более серьезные, фактологические ошибки, встречающиеся в РПН. Так, местом упокоения известного инженера П.А.Борейши, его жены и дочери в РПН значится кладбище в д. Перстно (= Перетно) Крестецкого уезда, тогда как в действительности усыпальница семейства находилась в построенной П.А.Борейшей церкви Святой Екатерины в д. Лызи. К сожалению, усыпальница не сохранилась: рядом с указанной церковью был построен интернат, само здание церкви использовалась под складское помещение, и находившийся здесь склеп семейства Борейши был уничтожен.

Приходские священники, отправлявшие В.В.Шереметевскому сведения для составления РПН, зачастую довольствовались выписками из метрических книг, фиксировавших факты погребений, и далеко не всегда копировали надписи с надгробий в церквях или на погостах за алтарями церквей (нарушая тем самым указ Священного синода, который предписывал передавать именно надгробные надписи). В этом главная причина того, что в РПН содержится не слишком много точно переданных надписей и эпитафий. В этом же кроется и определенная содержательная неполнота данного издания, ибо надгробные надписи как правило с большими подробностями, нежели метрические книги, отражают основные сведения о погребенных.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ-РФФИ и Правительства Новгородской области в рамках научного проекта № 16-11-53001а(р).

1. Шереметевский В.В. Русский провинциальный некрополь. Т. 1. СПб., 1914. Репр. изд. СПб.: Альфарет: 6-ка Российской акад. наук, 2006. 1008 с.
2. Материалы к «Русскому провинциальному некрополю» Великого Князя Николая Михайловича. Т. 1—2. / Изд. подгот. Д.Н.Шилов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012—2015.
3. Шилов Д.Н. «Русский некрополь» великого князя Николая Михайловича: история создания, неопубликованные материалы. М.: Старая Басманная, 2010. 167 с.

¹ Здесь и ниже знаком слэш (/) помечены переходы текста надписей на каменных надгробиях со строки на строку.

References

1. Sheremetevskii V.V. Russkii provintsial'nyi nekropol' [Russian Provincial Necropolis]. Vol. 1. Saint Petersburg, 1914. Reprint ed., Saint Petersburg, "Al'faret" Publ., 2006. 1008 p.
2. Shilov D.N., ed. Materialy k "Russkomu provintsial'nomu nekropoliu" Velikogo Kniazia Nikolaia Mikhailovicha [Records on the book "Russian Provincial Necropolis" by Grand Duke Nikolai Mikhailovich]. Vols. 1-2. Saint Petersburg, "Dmitrii Bulanin" Publ., 2012-2015.
3. Shilov D.N. "Russkii nekropol'" velikogo kniazia Nikolaia Mikhailovicha: istoriia sozdaniia, neopublikovannye materialy ["Russian Provincial Necropolis" by Grand Duke Nikolai Mikhailovich: the story behind and unpublished works]. Moscow, "Staraiia Basmannaia" Publ., 2010. 167 p.

Vasil'ev V.L., Vikhrova N.N. Novgorod pages of the book "Russian Provincial Necropolis", 1914 (in comparison with modern data on ancient burials in Novgorod region). Inscriptions on the tombstones are important but rarely used source which gives valuable information for the study of genealogies and social stratification. It also provides researches in the field of popular culture, language, and onomastics. This paper presents the cooperative work on finding, fixing, description, and systematization of ancient inscriptions on tombstones and monuments in Novgorod region. In 2016—2017, we have collected inscriptions dated from the middle of the 18th to the beginning of the 20th century and dedicated to the people who died during the existence of Novgorod province (mainly before 1920). In the process of our work, we used the book "Russian Provincial Necropolis" (1914) (RPN) which gave us all information related to Novgorod region. RPN data were compared with the files we collected in our expeditions. It is found out that the number of matches between RPN and our field records does not exceed 8%. Such a small percentage of coincidences can be explained by different reasons; the main one is the loss of a significant amount of old tombstones and inscriptions in the Soviet era.

Keywords: Novgorod region, province, gravestone inscriptions, necropolis, field research, verification, comparison.

Сведения об авторах. В.Л.Васильев — д. филол. н., профессор кафедры русского языка НовГУ им. Ярослава Мудрого; Н.Н.Вихрова — к. пед. н., доцент кафедры педагогики и методики начального образования НовГУ им. Ярослава Мудрого; vihnn@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 01.03.2018.